

Своеобразие литературно-эстетических взглядов И. М. Долгорукова

Черниговский Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7870-0785. E-mail: usr10891@vyatsu.ru

Аннотация. В статье рассмотрены литературно-эстетические взгляды и позиция в литературном процессе России видного русского поэта конца XVIII – первой четверти XIX в. князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823). Литературно-эстетические взгляды этого писателя не были еще предметом пристального внимания исследователей, хотя в литературоведении были высказаны взаимоисключающие мнения, согласно которым он объявлялся то классицистом, то сентименталистом, то романтиком. В статье проанализированы собственные высказывания Долгорукова, содержащихся как в его лирических, так и прозаических произведениях, в том числе неопубликованных, в которых выражается отношение писателя к существовавшим в его время художественным системам. В центре статьи находится исследование вопроса о характере влияния на Долгорукова знаменитой книги родоначальника английского сентиментализма Эдуарда Юнга «Жалоба, или Ночные размышления о смерти и бессмертии» (1742–1745). Кроме того, в статье проанализирован ряд мемуарных и эпистолярных материалов, в которых определяется место писателя в литературном процессе рубежа XVIII–XIX вв. В результате проведенного исследования делается обоснованный вывод о том, что Долгоруков, будучи представителем позднего русского классицизма, несомненно, испытал влияние западной и отечественной сентименталистской литературы. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что литературная позиция князя И. М. Долгорукова может быть охарактеризована как эклектичная, вполне соответствующая той переходной эпохе, в которую жил и творил этот писатель, ценимый А. С. Пушкиным, В. Г. Белинским и другими выдающимися представителями русской литературы.

Ключевые слова: литературно-эстетические взгляды И. М. Долгорукова, литературный процесс в России рубежа XVIII–XIX вв., Э. Юнг и его книга «Жалоба, или Ночные размышления о смерти и бессмертии».

Литературно-эстетические взгляды И. М. Долгорукова не были еще предметом пристального внимания исследователей его творчества. Однако даже в немногочисленных оценках эстетической позиции художника нет единства. Г. В. Ермакова-Битнер так сформулировала суть полемики по этому вопросу: «Иные называют его сентименталистом, другие отмечают, что он был резким противником Карамзина и карамзинизма» [13, с. 66].

Сама Ермакова-Битнер заявляет, что Долгоруков был «противником сглаженной поэтики карамзинизма, с иронией относился к чувствительности эпигонов Карамзина» [13, с. 66] и одновременно был чужд «законам классицистской поэтики, поскольку не признавал строгой иерархии жанров» [13, с. 73]. Исследовательница, считая, что «такой подход... близок к поэтике романтизма», поясняет: «“призрачный” романтизм Жуковского с его мистическим колоритом был чужд Долгорукову. Значительно ближе был ему Батюшков, “ясный”, “определенный”, как говорил Белинский, Батюшков с его стремлением раскрывать переживания лирического героя в органической связи с действительностью» [13, с. 68].

Противоположной точки зрения придерживается Н. Д. Кочеткова, которая считает Долгорукова приверженцем чувствительного направления в отечественной словесности. Основанием для такого мнения автору исследования служит то, что поэт в третьем издании собрания своих сочинений «Бытие сердца моего» (1817–1818) поместил «виньетку, где изображен “чувствительный” человек с книгой в опущенной руке и предающийся своим мечтам...» [20, с. 87]. Сторонницей этой точки зрения является и Р. В. Иезуитова, которая называет Долгорукова карамзинистом и ставит его в один ряд с И. И. Дмитриевым [16, с. 141].

Иначе смотрит на творчество Долгорукова В. П. Степанов, утверждая, что писатель «сохранил рациональное мироощущение позднего классика, чуждого поэтическому самоанализу, мечтательности и меланхолии» [32, с. 282].

Итак, в литературоведении существуют три основные точки зрения на эстетическую позицию Долгорукова, согласно которым поэт предстает то классицистом, то сентименталистом, то почти романтиком. Для того чтобы составить определенное мнение о литературно-эстетических пристрастиях Долгорукова, необходимо прежде всего рассмотреть его собственные высказывания на этот счет.

Еще в начале XIX в. Долгоруков в ряде произведений выразил свое негативное отношение к сентиментализму. В сатире «Пир» (1802), например, был «юмористически описан бытовой сентиментализм...» [32, с. 281] кн. П. И. Шаликова. В стихотворении «Жизнь» (1808) поэт в том же ключе создал пародию на сентименталистский пейзаж, противопоставив розовой идиллии с «прекрасными овечками...» и «прекрасным пастушком...» [30, т. 2, с. 20] суровую действительность русской деревни.

Однако Долгоруков, пренебрегая канонами сентименталистской поэтики, не принимал и сам образ жизни сентименталистов. Так, в 1811 г. в послании «Сердечкину» поэт писал:

Да будет проклят тот безмозглый книг писец,
Кто первый в кровь пустил яд оспы лжеморальной
И, разум помутя, направил путь сердец
К той жизни, кою мы зовем сентиментальной [30, т. 1, с. 240].

Представление об эстетических воззрениях Долгорукова можно составить и на основе его рассуждений о прекрасном в природе. Как известно, различные типы художественного сознания по-разному воспринимали природу как эстетическую данность, и своеобразие долгоруковского отношения к пейзажу может в значительной мере выявить художественные идеалы поэта. Вот, например, отрывок из мемуаров Долгорукова, относящийся к 1788 г.: «Сколько я не пленялся по воображению картинами уединенных полей и убежищ пустынных, о коих так прекрасно нам пишут в романах, сколько начитавшись их я не был настроен делить восторги антузиазма моих знакомых авторов как то: Геснера, Виргилия и проч., признать должен, что существенная картина природы без убранства меня не очаровала. Я увидел тогда и почувствовал на опыте, что мне нравятся сады возделанные, а не дикие земли, брошенные Творцом на поверхность мира без сторонних прикрас искусства человеческого; что я любил тут каскады, падающие с художественной скалы, а не ключ, бегущий с высокого утеса, сквозь заросшую корнями промоину в мрачную ущелину; я любил природу, но в убранстве роскошном – нагая она мне не полюбилась...» [9, т. 1, с. 181].

Комментарием к этой эстетической декларации Долгорукова может служить выдержка из уже цитировавшейся статьи Н. Д. Кочетковой: «Природа “без примесу искусства” – ценность незнакомая искусству классицизма и получающая признание в эпоху сентиментализма и романтизма» [20, с. 87]. С этой точки зрения, долгоруковское восприятие «нагой» природы полностью противоречит «стремлению к естественности...», которое «во многом определяет “эстетический климат” эпохи сентиментализма» [20, с. 87].

В том же пассаже из мемуаров Долгорукова содержится следующее признание: «Уединение было мне противно; я чувствовал, что без людей, беседы или большого шума, провести день для меня тягостно... Дайте мне город, роскошь, толпу. Увы! Суэта мирская есть моя стихия» [9, т. 1, с. 182]. Эти слова также не вяжутся с представлением о Долгорукове как сентименталисте, поскольку писатели этого направления делали предметом изображения не шумную городскую жизнь, а уединение на фоне идиллического пейзажа. Более того, «способность наслаждаться уединением...» представляется сентименталистам «как одно из проявлений чувствительности» [20, с. 89].

Данные высказывания Долгорукова созвучны аналогичным пассажам из его произведений десятих годов XIX в., что говорит об устойчивости эстетической позиции художника. Например, в книге «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года» можно прочесть следующую отповедь сентименталистам, любителям ночных пейзажей: «Вы, которые так часто восхищаетесь луной и ее светом, любите читать страшные повести г-жи Радклиф! Хотите ли познать ужасы месячной ночи? Испытайте то же, что я: велите привезти себя туда, отпечь вашу карету, лягте в ней соснуть, и поверьте, что нет ничего тошнее, как ударение месячных лучей, когда все нас окружающее пусто, уныло и бесплодно! О, как месяц тогда противен!» [12, с. 108].

В «Путешествии в Киев в 1817 г.» Долгоруков уже откровенно насмехается над сентименталистами – поклонниками Геснера, Юнга и Радклиф. В частности, описав плодовый сад своего зятя В. Л. Селецкого, поэт с язвительностью замечает: «Желал бы я заманить сюда наших чувствительных лириков, когда в минуту их восторга, озаренные лучами бледной луны, зарябит у них в глазах и они вымышляют своих Филомел и Тирсисов: то-то бы наслали в книжные лавки идиллий и эклог! Когда я думаю о наших модных Геснерах, Виргилиях и Делилях, побочных сынках Юнга и Радклифши, сочетавшихся узами таинственного супружества в храме меланхолии рукою чернокнижника Циммермана, я всегда вспомню свои стишки в “Сумерках”:

Приехал! Что нашел? Пастух мой, как пастух,
Арапником овец претолстым погоняет,
Стрижет их без пощады, и грамоте не знает,
И вместо миртов, ах! Какой прескверной дух!» [11, с. 29–30]

Из приведенных стихотворных и прозаических высказываний Долгорукова видно, что он явно предпочитал рациональность классицизма чувствительности сентиментализма. Все эти негативные отзывы, однако, относятся к первому и второму десятилетиям XIX в., когда, по утверждению П. А. Орлова, «со всей очевидностью... проявились... признаки упадка русского сентиментализма» [24, с. 250]. В молодости, в 80–90-е гг. XVIII в., Долгоруков сам активно обращался к жанрам сентиментализма: к песне, любовному посланию и мадригалу (см., напр., «Песни на разные голоса» – цикл, посвященный С. Н. Рубецкой, любовную лирику, посвященную кн. В. П. Волконской, переписку в стихах с кн. В. А. Трубецкой и т. д.).

В предисловии к первому изданию собрания своих сочинений (1802) поэт писал, используя формулы сентиментализма: «Лишь бы приняли сию книгу в знак усердия моего мои друзья, лишь бы женщины даровали ей свое покровительство – самый лучший щит против Зоилов, – лишь бы взглянула на нее с приятностью, хоть раз в сутки, друг мой Глафира, и обращаясь на разные предметы моего воображения, то вместе бы со мной смеялась, то слезою бы сладкого чувства трогала нежное мое сердце...» [1, с. 4].

Вместе с тем В. П. Степанов полагает, что «стихотворения Долгорукова» лишь отчасти, главным образом тематически, созвучны сентиментальной литературе» [32, с. 281]. Ученый объясняет это тем, что стиль поэта «далек от чувствительности и гладкости, которые скорее служат предметом его насмешек...», поэтому «сентиментальная формула “бытие сердца” в понимании поэта... отражала не жизнь “души”, а историю отношений автора с людьми и его житейские впечатления» [32, с. 281]. Л. Я. Гинзбург писала о таком типе литератора, что «его реакции на действительность – при всей эмоциональности мыслятся как рациональные. Он хочет возможности свободного проявления своих естественных чувств. В этой борьбе за утверждение личности не было ничего противоречащего разумному началу» [3, с. 20].

Одним из аргументов, казалось бы, опровергающим мнение о Долгорукове как классицисте, может служить его стихотворение «Размышление о смерти», напечатанное в 1817 г. [7, ч. 1, с. 27–30]. Дело в том, что обнаруженный в РГАЛИ список этого произведения озаглавлен иначе: «После юнговых ночей размышление о смерти» [10]. Данное разночтение чрезвычайно важно для уяснения литературно-эстетических взглядов Долгорукова, поскольку налицо явное противоречие: в «Путешествии в Киев...» поэт весьма презрительно отозвался о русских последователях Э. Юнга и в том же 1817 г. опубликовал «Размышление о смерти», созданное под влиянием этого английского писателя. Непонятно и то, каким образом Долгоруков, с «его мироощущением позднего классика» (В. П. Степанов), мог испытать воздействие столь авторитетного в среде масонов сентименталиста Юнга [14, с. 548].

Между тем деист и вольтерьянец Долгоруков, видимо, неплохо знал главное произведение Юнга – «Жалоба, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745). Первые имя Юнга упоминается Долгоруковым в 1806 г. в его стихотворении «Хижина на Рпени» [34, с. 417]. Поэт описывает здесь круг своих занятий на лоне летней природы, в числе которых – чтение книги знаменитого английского автора: «Еще могу в очках прочесть // Из Юнга две и три страницы...» [30, т. 2, с. 68]. Надо полагать, что не ранее 1806 г. было написано и «Размышление о смерти», так как стихотворение не вошло во второе издание «Бытия сердца моего» (1808) и в сборник «Сумерки моей жизни» (1808), включавший первую публикацию «Хижин на Рпени».

Посмотрим, однако, в чем состояло влияние Юнга на «Размышление о смерти». Произведение Долгорукова представляет собой философическую оду, состоящую из 11 восьми-стишных ямбических строф. Композиция стихотворения имеет традиционную трехчастную структуру, причем строфа I является «тезисом», где провозглашается сентенция: «напрасно мною я, человеки боятся смертного часа...» [30, т. 1, с. 22]; строфы II–IV – это «антитезис», где

допускается абсолютное устранение смерти и разворачиваются картины происходящих вследствие этого неустойчивых; начиная с V и по XI строфы автор убеждает в необходимости смерти и благотворности ее для человечества, примиряя таким образом «тезис» и «антитезис». Специфика этого дидактического, проникнутого духом деизма стихотворения состоит в том, что смерть понимается здесь как благотворная сила, гармонизирующая мироздание. То, что такая интерпретация смерти достаточно редка в русской литературе, можно видеть из исследования Н. А. Портновой «На смерть кн. Мещерского» Г. Р. Державина, где верно отмечена общность концепции смерти у ведущих русских поэтов XVIII в.: «Скорбно и истово писал о смерти Сумароков <...>, оплакивал бренность человека М. Херасков, проникновенно грустил о власти времени М. Муравьев» [26, с. 80]. Наконец, наиболее концептуальное в этом отношении стихотворение Державина со всей очевидностью демонстрирует «трепет естества и страх» [6, с. 86], резиньяцию перед неотвратимостью кончины.

Субъективный взгляд на смерть в аспекте индивидуального сознания неизбежно порождает конфликт между «конечностью тела» [19, с. 138] и бесконечностью бытия «равнодушной» природы. Долгоруков предельно объективирует авторскую точку зрения, что позволяет ему увидеть в смерти не неизбежное и трагическое прекращение жизни, а наоборот, источник ее вечного обновления. Именно этот угол зрения, «позиция вневременности» [5, с. 7], на наш взгляд, определяет своеобразие концепции Долгорукова.

Тему для рассуждений о смерти поэту, согласно его собственному признанию, заключенному в названии стихотворения, дал Э. Юнг. Это не случайно, так как в «Ночных размышлениях...» создана подлинная апология смерти: «Смерть есть венец жизни: есть ли б не было смерти, то бы и жизнь не была жизнью... Смерть уязвляет, дабы исцелить нас; мы кончаемся, возстаем, властвуем! Летим из уст наших и приемлем небеса в свое владение... О! Когда скончаюсь я для сует и мучения? Когда умру я? Когда я начну жизнь вечную?» [25, с. 120] и т. п.

На первый взгляд Долгоруков и Юнг солидарны в своем восхвалении смерти, однако более внимательный анализ показывает, что автор «Ночных размышлений...» рассуждает в аспекте индивидуального сознания, а создатель «Размышления...» отвлекается от собственного «я» и рассматривает смерть в аспекте объективного мира. И аргументы поэтов различны: если Юнг видит в смерти источник обретения вечной жизни и рассуждает как мистик, то рационалист Долгоруков приводит для оправдания смерти не метафизические, а логические и естественно-научные доводы.

Возникает правомерный вопрос о том, что же побудило Долгорукова до неузнаваемости переименовать мысли Юнга, ведь таким образом как бы сводится на нет факт английского влияния на «Размышление о смерти».

На наш взгляд, дело заключается в том, что Долгоруков читал не английский подлинник (ибо не знал языка) [9, т. 1, с. 30], а один из его русских или французских переводов. Согласно П. Р. Заборову, наиболее известный полный французский перевод был сделан Летурнером в 1769 г. [15, с. 271]. К лету 1806 г. (т. е. ко времени первого упоминания о знакомстве Долгорукова с книгой Юнга) существовали и два удачных русских перевода: в прозе, выполненный А. М. Кутузовым в 1785 г., и в стихах, напечатанный С. Н. Глинкой как раз в 1806 г. Перевод Кутузова, сделанный с немецкого, вряд ли привлек внимание Долгорукова, поскольку отличался намеренно архаизированным языком. Кроме того, деиста Долгорукова могла отпугнуть принадлежность переводчика к масонству. Думается, что автор «Размышления...» читал Юнга или в переводе Летурнера, или в переложении Глинки, который, не зная английского, «опирался на прозу Летурнера» [15, с. 275]. Отметим при этом явное сходство названия долгоруковского стихотворения: «После юнговских ночей размышление...» с названием перевода Глинки: «Юнговы ночи, в стихах...» [35].

Особенность перевода Летурнера состояла в том, что его автор задался целью «извлечь из английского Юнга – Юнга французского, иными словами, приспособить поэму к национальным вкусам, примирив ее удивительное своеобразие с классической традицией» [15, с. 271]. Американский исследователь Г. Небель-младший так определил характер новаций, внесенных во французскую версию поэмы Юнга: «В предисловии к своему переводу... Le Tourneur вполне искренно уведомлял читателей о своем бесцеремонном обращении с текстом. Тематические повторы и теологические пассажи... были выпущены из текста и помещены в обильные примечания... Он делал из Юнга скорее деиста, страстного проповедника религии природы, чем догматического и иногда ожесточенного защитника официального вероучения...» [36, с. 52].

Таким образом, если Долгоруков читал «исправленный» перевод Летурнера или его русский стихотворный вариант, принадлежащий перу С. Н. Глинки, то нет ничего удивитель-

ного, что он нашел в «Ночных размышлениях...» идеи, адекватные его тогдашнему деистическому мироощущению. Впоследствии (к 1817 г.) Долгоруков, вероятно, понял свою ошибку и опубликовал «Размышление о смерти» без указания на английский источник. С этим «прозрением», по-видимому, и связана критика русских сентименталистов и романтиков, последователей Юнга, в «Путешествии в Киев в 1817 г.».

Исходя из всего сказанного, было бы неверно считать Долгорукова сентименталистом, однако и классицистом в полном смысле этого слова поэт не был. Когда Г. В. Ермакова-Битнер писала о близости долгоруковской поэтики поэтике романтической, она, несомненно, усматривала это сходство не только в нарушении художником принципов классицизма и сентиментализма. Наблюдение исследовательницы базировалось на понимании роли долгоруковского предельного автобиографизма как концептуальной основы литературной манеры поэта. Ермакова-Битнер проницательно увидела высокую степень личностного самоутверждения в творчестве Долгорукова, но ошибочно связала этот феномен с аналогичным явлением в поэтике романтизма. Сделав событие своей жизни предметом изображения в литературе, Долгоруков вместе с тем еще не знал возможностей психологического самоанализа и не противопоставлял свою личность окружающему миру, что было бы естественно не только для романтика, но и для предтечи романтизма. Сам Долгоруков отрицательно отнесся к романтическому направлению, связывая молодой русский романтизм с пагубным, с точки зрения поэта, влиянием немецкой идеалистической философии и литературы. В стихотворении «Дань благодарности домашним моим за подарок к именинам» (1820) Долгоруков, в частности, писал:

Гельвеций, Дидерот, Волтер со всем собором...

Не столько, верьте мне, посеяли в мир зла,

Как германической таинственности мгла.

Сей дух стократ вселенну поколеблет!

Несчастлив, кто ему, развеся уши внемлет!

Кадило в руку взяв, другой схватя кинжал,

Чтоб всякой наконец и мыслить трепетал [8, л. 58об.].

Г. В. Ермакова-Битнер, однако, отмечает, что немецкий мистический романтизм был чужд Долгорукову, но при этом считает литературную манеру поэта чем-то похожей на батюшковскую. Понятно, что романтическое удвоение мира, создающее оппозицию «здесь» и «там», свойственное Жуковскому, абсурдно для Долгорукова, но ведь и Батюшкову присуще, пусть и иначе выраженное, неприятие действительности. Об этом прекрасно сказал Г. А. Гуковский: «...Батюшков, подобно Жуковскому, изгнал из сферы искусства объективный реальный мир... Таким образом поэзия Батюшкова, “античного”, “светлого” Батюшкова, всем стилистическим составом своим конструирует мир души и интеллекта идеального нормального человека, о котором мечтает Батюшков [4, с. 164–168]. Долгорукову подобное удвоение собственной личности чуждо, как чужд ему и отказ от объективной действительности, которая в его поэзии отражена в ее бытовой конкретности. Кстати, антологичность, отличающая поэзию Батюшкова, совершенно несвойственна творчеству Долгорукова, может быть, именно потому, что Батюшков моделировал свой романтический мир по античному образцу, а мир Долгорукова – это мир его непосредственных переживаний, в котором жили не воображаемые вакханки, а вполне реальные светские красавицы, чьи имена зачастую назывались в стихотворениях.

Итак, каков же характер литературно-эстетических взглядов Долгорукова, к какому литературному направлению принадлежит его творчество? Полагаем, что литературно-эстетическая позиция Долгорукова была эклектичной, но развивалась в русле классицистических традиций. Это означает, что при рациональном «мироощущении позднего классика» поэт испытал поверхностное (на формальном уровне) влияние сентиментализма, не сделавшее его сторонником карамзинизма. С другой стороны, предельный автобиографизм долгоруковской литературной манеры заставил поэта отойти от канонов классицизма, что выразилось в нарушении теории «трех штилей», в смешении «высокой» и «низкой» стилистических стихий и в преодолении межжанровых границ. В целом творчество Долгорукова относится к «завершающим русский классицизм литературным явлениям» [29, с. 273]. По мнению И. З. Сермана, эти явления «не представляют собой реалистические или романтические веяния, возникшие внутри классицизма. Внутри классицизма русского, с его принципом подчеркнутого и явно выраженного авторского отношения к изображаемому, и Державин, и Крылов (и, очевидно, Долгоруков. – Д. Ч.) только завершают многообразные поиски все новых форм и видов художественного воплощения авторской личности» [29, с. 273].

Эклектичность эстетической платформы И. М. Долгорукова вполне соответствовала его позиции в литературном движении XVIII – первой четверти XIX в. В эту переходную эпоху в

истории русской культуры, характеризующуюся особым накалом споров между различными школами и течениями, поэт стоял как бы над схваткой, вне литературной полемики. Г. В. Ермакова-Битнер так пишет об этом: «Долгоруков не примыкал ни к одной из существовавших литературных группировок» [13, с. 66]. Согласно В. П. Степанову, «литературные знакомства Долгорукова остаются чисто салонными. К И. И. Дмитриеву было обращено его дружеское послание “Сослуживцу” (по Семеновскому полку); два послания адресованы П. И. Шаликову, однако в них не затрагивается литературная проблематика и споры тех лет. Долгоруков» встречается с Н. М. Карамзиным у П. Ю. Гагариной, бывает в доме Херасковых, у Трубецких в Очакове, но не сближается ни с одним многих литературных кружков» [32, с. 280]. «Известно, что князь был членом “Беседы любителей русского слова”, “Общества любителей российской словесности”, – пишет В. И. Коровин, отмечая при этом, что «Долгоруков чуждался литературных объединений и как писатель формировался уединенно, вдали от литературных объединений и баталий» [18, с. 350].

Поскольку у И. М. Долгорукова фактически отсутствуют оценки современного ему литературного движения, за исключением довольно общих антисентименталистских высказываний, место поэта в этом движении можно определить, учитывая то, как участники наиболее значительного и важного для судеб русской литературы эстетического противоборства – карамзинисты и шишковисты – воспринимали писательский феномен самого Долгорукова.

Своеобразие ситуации состояло в том, что противник сглаженной поэтики сентиментализма Долгоруков вместе с тем не был сторонником языковой программы архаистов. В этом смысле его членство в «Беседе...» не являлось выражением литературно-эстетической позиции. Употребление Долгоруковым церковно-славянской лексики не имело характера тенденциозной и целенаправленной практики и определялось художественным мышлением рационалиста, воспитанного на русской классицистической традиции, и жанровой спецификой произведения. С другой стороны, активное использование Долгоруковым простонародной лексики и фразеологии не может быть расценено как следование шишковской языковой программе, согласно которой фольклор представляется фундаментом для создания отечественной литературы [23, с. 351]. Дело в том, что Долгоруков, включая в свои стихи русские идиомы, свободно соединял их с французскими, за счет чего достигался эффект макаронической речи [22, с. 50].

Данные разногласия литературной манеры Долгорукова с теорией и практикой старших архаистов выразилось в фактическом неучастии поэта в деятельности «Беседы...», хотя, разумеется, это неучастие нельзя рассматривать как осознанную демонстрацию неприятия идей А. С. Шишкова и его соратников. По-видимому, эта же достаточно новаторская для того времени практика соединения русской и французской идиоматики в рамках одного произведения, ставшая одной из узнаваемых примет долгоруковского стиля, обусловила прохладное отношение к творчеству поэта младших архаистов. В этом смысле показательна реплика из письма П. А. Катенина (от 26.01.1825) Н. И. Бахтину: «Не слишком ли выгодно судите Вы Долгорукова? что в нем?» [17, с. 249] Итак, если архаисты и не считали Долгорукова своим приверженцем, то во всяком случае, избрав его членом «Беседы...», относились к его творчеству снисходительно, а некоторые даже восторженно. Например, шишковист А. А. Палицын в «Послании к Привете» (1807) писал: «Вот в лирных песнях знал еще приятность звуков // От муз и сограждан любимый Долгоруков» [27, с. 771]. Арзамасцы же весьма иронически воспринимали «старого поэта», которого так называл даже В. Л. Пушкин, бывший всего лишь шестью годами моложе Долгорукова [28, с. 247]. П. А. Вяземский, до образования «Арзамаса» неплохо относившийся к Долгорукову [33, с. 239–240], в разгар баталий с «Беседой...» ставил поэта в один ряд с кн. П. И. Шаликовым, одиозной фигурой тогдашнего писательского мира [2, с. 378]. К. Н. Батюшков в «письме к Гнедичу от апреля 1811 г. упоминает Долгорукого в числе плохих поэтов, наряду с кн. Шаликовым» [31, с. 540].

Упомянутые выше негативные сравнения Долгорукова с П. И. Шаликовым, сделанные Вяземским и Батюшковым, были не случайны и основывались на факте дружбы Долгорукова с Шаликовым, М. Н. Макаровым и другими эпигонами карамзинизма [23, с. 630]. Кроме того, поводом для этого сравнения могло послужить увлечение Долгорукова внешней стороной сентиментализма, о чем свидетельствовала, например, ориентация творчества поэта на дамскую читательскую аудиторию [7, ч. 2, с. 7]. В результате рационалист и классик Долгоруков был несправедливо включен в круг вульгаризаторов «чувствительного» направления. Таким образом, возникла противоречивая ситуация: сам поэт критиковал сентименталистов, отвергал их установку на «нейтрально-благородный» стиль, умеренность» [23, с. 28], а современ-

ники воспринимали поэта как карамзиниста, причем вульгарного толка. Эклектизм взглядов Долгорукова отчетливо виден, например, в следующем перечислении литературных авторитетов: «...я не ищущу славы Ломоносова и Сумарокова, или не ищущу заслужить над гробом моим техobeliskов, коих ожидает прах Хераскова, Державина, Карамзина, – не ищущу даже известности Дмитриева и прочих им подобных писателей...» [1, с. 3].

Список литературы

1. Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. М.: Университетская типография, у Любиа, Гария и Попова, 1802. 395 с.
2. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: жизнь и творчество. Л.: Наука, 1969. 390 с.
3. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.
4. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М.: Худож. лит., 1965. 358 с.
5. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
6. Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.
7. Долгоруков И. М. Бытие сердца моего: в 4 ч. М.: Университетская типография, 1817–1818.
8. Долгоруков И. М. Запрещенный товар, или потаенное собрание тех моих сочинений, коих я не хотел, или не мог выпустить в свет. Москва 1822 года ноября 1 дня. – ОРК и Р научной библиотеки им. А.М. Горького МГУ им. М. В. Ломоносова. 1 РК 175.
9. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни: в 2 т. М.: Наука, 2004 (Литературные памятники).
10. Долгоруков И. М. После Юнговых ночей размышление о смерти // Коллекция стихотворений. РГАЛИ. Ф. 1346. Оп. 1. Е. х. 556. Л. 21об. – 24.
11. Долгоруков И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 208 с.
12. Долгоруков И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1870. 355 с.
13. Ермакова-Битнер Г. В. Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. // Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX в. Л.: Советский писатель, 1959. С. 5–82.
14. Жирмунский В. М. Сентиментальная поэзия // История английской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. 1. С. 541–563.
15. Заборов П. Р. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век: русская литература XVIII в. Эпоха классицизма. Вып. 6. М.; Л.: Наука, 1964. С. 269–279.
16. Иезуитова Р. В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 138–163.
17. Катенин П. А. Размышления и разборы. М.: Искусство, 1981. 374 с.
18. Коровин В. И. Князь Иван Долгоруков и «Капище моего сердца» // Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.: Наука, 1997. С. 283–350.
19. Коровин В. И. Поэты пушкинской поры. М.: Просвещение, 1980. 160 с.
20. Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII век: русская литература в ее связях с искусством и наукой. Вып. 15. Л.: Наука, 1986. С. 70–96.
21. Кочеткова Н. Д. Русский сентиментализм (Н. М. Карамзин и его окружение) // Русский романтизм. Л.: Наука, 1978. С. 18–37.
22. Лотман Ю. М. И. М. Долгоруков // Поэты начала XIX в. Л.: Сов. писатель, 1961. С. 49–51.
23. Лотман Ю. М. Поэты 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 5–62.
24. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во МГУ, 1977. 270 с.
25. Плачь Эдуарда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии: В девяти номерах помещенных. Ч. 1. М.: Губернская типография у А. Решетникова, 1799. 321 с.
26. Портнова Н. А. «На смерть кн. Мещерского» Г. Р. Державина // Анализ одного стихотворения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 77–90.
27. Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 912 с.
28. Пушкин В. Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1989. 368 с.
29. Серман И. З. Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира). Л.: Наука, 1973. 285 с.
30. Сочинения Долгорукого (князя Ивана Михайловича): в 2 т. СПб.: А. Смирдин, 1849.
31. Сочинения К. Н. Батюшкова: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. (бывшая Котомина) у Обуховского моста № 99, 1885. 584 с.
32. Степанов В. П. Долгоруков Иван Михайлович... // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. I (А–И). Л.: Наука, 1988. С. 279–283.
33. Черниговский Д. Н. П. А. Вяземский и И. М. Долгоруков // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 239–242.

34. Черниговский Д. Н. «Хижина на Рпени» и «Евгению. Жизнь Званская»: о специфике творческого диалога И. М. Долгорукова и Г. Р. Державина // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Научно-методический журнал. 2023. № 2 (26). С. 416–420.

35. Юнговы ночи, в стихах, изданные Сергеем Глинкою. М. : Тип. Платона Бекетова, 1806.

36. *Nebel Henry M., Jr.* N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist. The Hague : Mouton & Co., 1967. 190 p.

The Peculiarities of I. M. Dolgorukov's Literary and Aesthetic Views

Chernigovsky Dmitry Nikolaevich

Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7870-0785. E-mail: usr10891@vyatsu.ru

Abstract. The article examines the literary and aesthetic views of Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov (1764–1823), a prominent Russian poet of the late 18th – first quarter of the 19th century, and his position in the Russian literary process. The literary and aesthetic views of this writer have not yet been the subject of close attention by researchers, although mutually exclusive opinions have been expressed in literary scholarship, according to which he was declared either a classicist, a sentimentalist, or a romantic. The article analyzes Dolgorukov's own statements contained in both his lyrical and prose works, including unpublished ones, in which the writer expresses his attitude to the artistic systems that existed in his time. At the center of the article is the study of the nature of the influence exerted on Dolgorukov by the famous book of the founder of English sentimentalism, Edward Young, *The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality* (1742–1745). In addition, the article analyzes a number of memoir and epistolary materials that define the writer's place in the literary process of the turn of the 18th–19th centuries. As a result of the conducted research, a well-grounded conclusion is drawn that Dolgorukov, being a representative of late Russian classicism, undoubtedly experienced the influence of Western and Russian sentimentalist literature. Thus, it can be confidently stated that the literary position of Prince I. M. Dolgorukov may be described as eclectic, fully corresponding to the transitional era in which this writer, valued by A. S. Pushkin, V. G. Belinsky, and other outstanding representatives of Russian literature, lived and worked.

Keywords: literary and aesthetic views of I. M. Dolgorukov, the literary process in Russia at the turn of the 18th–19th centuries, Edward Young and his book *The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality*.

References

1. *Bytie serdca moego, ili Stihotvoreniya knyazya Ivana Mihajlovicha Dolgorukago* [The Being of My Heart, or Poems by Prince Ivan Mikhailovich Dolgorukov]. M., Universitetskaya tipografiya, u Lyubiy, Gariya i Popova (University Printing House, at Lyubiy, Gariy and Popov's), 1802. 395 p.
2. *Gillel'son M. I. P. A. Vyazemskij: zhizn' i tvorchestvo* [P. A. Vyazemsky: Life and Works]. L., Nauka (Sciences), 1969. 390 p.
3. *Ginzburg L. Ya. O lirike* [On Lyric Poetry]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1974. 409 p.
4. *Gukovskij G. A. Pushkin i russkie romantiki* [Pushkin and the Russian Romantics]. M., Hudozhestvennaya literatura (Fiction), 1965. 358 p.
5. *Gurevich A. Ya. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. M., Iskusstvo (Art), 1990. 396 p.
6. *Derzhavin G. R. Stihotvoreniya* [Poems]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1957. 488 p.
7. *Dolgorukov I. M. Bytie serdca moego : v 4 ch.* [The Being of My Heart : in 4 parts]. M., Universitetskaya tipografiya (University Printing House), 1817–1818.
8. *Dolgorukov I. M. Zapreshchennoj tovar, ili potaennoe sobranie teh moih sochinenij, koih ya ne hotel, ili ne mog vypustit' v svet. Moskva 1822 goda noyabrya 1 dnya* [Forbidden Goods, or a Secret Collection of Those of My Works Which I Did Not Want, or Could Not, Publish. Moscow, November 1, 1822]. ORK i R nauchnoj biblioteki im. A. M. Gor'kogo MGU im. M. V. Lomonosova [Department of Rare Books and Manuscripts of the A. M. Gorky Scientific Library of Lomonosov Moscow State University]. 1 RK 175.
9. *Dolgorukov I. M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsej zhizni : v 2 t.* [The Tale of My Birth, Origin, and Whole Life : in 2 vols.]. M., Nauka (Sciences), 2004 (Literaturnye pamyatniki [Literary Monuments]).
10. *Dolgorukov I. M. Posle Yungovyh nochej razmyshlenie o smerti* [A Meditation on Death after Young's Nights] // *Kollekciya stihotvorenij* [A Collection of Poems]. RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 1346. Op. 1. E. h. 556. L. 21 ob.–24.
11. *Dolgorukov I. M. Puteshestvie v Kiev v 1817 godu* [A Journey to Kiev in 1817]. M., Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te (Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University), 1870. 208 p.
12. *Dolgorukov I. M. Slavny bubny za gorami, ili Puteshestvie moe koe-kuda 1810 goda* [Distant Fields Look Greener, or My Journey to Someplace in 1810]. M., Imp. O-vo istorii i drevnostej ros. pri Mosk. un-te (Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University), 1870. 355 p.

13. Ermakova-Bitner G. V. *Poety-satiriki konca XVIII – nachala XIX v.* [Satirical Poets of the Late 18th – Early 19th Century] // *Poety-satiriki konca XVIII – nachala XIX v.* [Satirical Poets of the Late 18th – Early 19th Century]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1959. Pp. 5–82.
14. Zhirmunskij V. M. *Sentimental'naya poeziya* [Sentimental Poetry] // *Istoriya anglijskoj literatury* [The History of English Literature]. M. ; L., Izd-vo AN SSSR (Publishing House of the USSR Academy of Sciences), 1945. Vol. 1. Pp. 541–563.
15. Zaborov P. R. *"Nochnye razmyshleniya" Yunga v rannih russkikh perevodah* [Young's Night Thoughts in Early Russian Translations] // *XVIII vek: russkaya literatura XVIII v. Epoha klassicizma* [The 18th Century: Russian Literature of the 18th Century. The Age of Classicism]. Is. 6. M. ; L., Nauka (Sciences), 1964. Pp. 269–279.
16. Iezuitova R. V. *Ballada v epohu romantizma* [The Ballad in the Age of Romanticism] // *Russkij romantizm* [Russian Romanticism]. L., Nauka (Sciences), 1978. Pp. 138–163.
17. Katenin P. A. *Razmyshleniya i razbory* [Reflections and Analyses]. M., Iskustvo (Art), 1981. 374 p.
18. Korovin V. I. *Knyaz' Ivan Dolgorukov i "Kapishche moego serdca"* [Prince Ivan Dolgorukov and "The Temple of My Heart"] // *Dolgorukov I. M. Kapishche moego serdca* [Dolgorukov I. M. The Temple of My Heart]. M., Nauka (Sciences), 1997. Pp. 283–350.
19. Korovin V. I. *Poety pushkinskoj pory* [Poets of the Pushkin Era]. M., Prosveshchenie (Enlightenment), 1980. 160 p.
20. Kochetkova N. D. *Geroj russkogo sentimentalizma. 2. Portret i pejzazh v literature russkogo sentimentalizma* [The Hero of Russian Sentimentalism. 2. Portrait and Landscape in the Literature of Russian Sentimentalism] // *XVIII vek: russkaya literatura v ee svyazyah s iskusstvom i naukoy* [The 18th Century: Russian Literature in Its Connections with Art and Science]. Is. 15. L., Nauka (Sciences), 1986. Pp. 70–96.
21. Kochetkova N. D. *Russkij sentimentalizm (N. M. Karamzin i ego okruzhenie)* [Russian Sentimentalism (N. M. Karamzin and His Circle)] // *Russkij romantizm* [Russian Romanticism]. L., Nauka (Sciences), 1978. Pp. 18–37.
22. Lotman Yu. M. *I. M. Dolgorukov* [I. M. Dolgorukov] // *Poety nachala XIX v.* [Poets of the Early 19th Century]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1961. Pp. 49–51.
23. Lotman Yu. M. *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s] // *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1971. Pp. 5–62.
24. Orlov P. A. *Russkij sentimentalizm* [Russian Sentimentalism]. M., Izd-vo MGU (Moscow State University Publishing House), 1977. 270 p.
25. *Plach' Eduarda Yunga, ili Noshchnyya razmyshleniya o zhizni, smerti i bezsmertii: V devyati noshchah pomeshchennyya. Ch. 1* [The Complaint of Edward Young, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality: Set Forth in Nine Nights. Part 1]. M., Gubernskaya tipografiya u A. Reshetnikova (Provincial Printing House at A. Reshetnikov's), 1799. 321 p.
26. Portnova N. A. *"Na smert' kn. Meshcherskogo" G. R. Derzhavina* [G. R. Derzhavin's "On the Death of Prince Meshchersky"] // *Analiz odnogo stihotvoreniya* [An Analysis of a Single Poem]. L., Izd-vo LGU (Leningrad State University Publishing House), 1985. Pp. 77–90.
27. *Poety 1790–1810-h godov* [Poets of the 1790s–1810s]. L., Sovetskij pisatel' (Soviet Writer), 1971. 912 p.
28. *Pushkin V. L. Stihy. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. M., Sovetskaya Rossiya (Soviet Russia), 1989. 368 p.
29. *Serman I. Z. Russkij klassicizm (Poeziya. Drama. Satira)* [Russian Classicism (Poetry. Drama. Satire)]. L., Nauka (Sciences), 1973. 285 p.
30. *Sochineniya Dolgorukogo (knyazyia Ivana Mihajlovicha) : v 2 t.* [The Works of Dolgorukov (Prince Ivan Mikhailovich) : in 2 vols.]. SPb., A. Smirdin, 1849.
31. *Sochineniya K. N. Batyushkova : v 3 t.* [The Works of K. N. Batyushkov : in 3 vols.]. Vol. 2. SPb., Tip. (byvshaya Kotomina) u Obuhovskogo mosta No. 99 (Printing House (Formerly Kotomin's) at Obukhovsky Bridge No. 99), 1885. 584 p.
32. *Stepanov V. P. Dolgorukov Ivan Mihajlovich...* [Dolgorukov Ivan Mikhailovich...] // *Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka* [A Dictionary of 18th-Century Russian Writers]. Is. I (A–I). L., Nauka (Sciences), 1988. Pp. 279–283.
33. *Chernigovskij D. N. P. A. Vyazemskij i I. M. Dolgorukov* [P. A. Vyazemsky and I. M. Dolgorukov] // *Novoe literaturnoe obozrenie* – New Literary Observer. 1992. No. 1. Pp. 239–242.
34. *Chernigovskij D. N. "Hizhina na Rpeni" i "Evgeniyu. Zhizn' Zvanskaya": o specifike tvorcheskogo dialoga I. M. Dolgorukova i G. R. Derzhavina* ["The Hut on the Rpen" and "To Eugene. Life at Zvanka": On the Specifics of the Creative Dialogue between I. M. Dolgorukov and G. R. Derzhavin] // *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* – At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in the Humanities. 2023. No. 2 (26). Pp. 416–420.
35. *Yungovy nochi, v stihah, izdannye Sergeem Glinkoyu* [Young's Nights, in Verse, Published by Sergei Glinka]. M., Tip. Platona Beketova (Platon Beketov's Printing House), 1806.
36. *Nebel Henry M., Jr. N. M. Karamzin: A Russian Sentimentalist.* The Hague : Mouton & Co., 1967. 190 p.

Поступила в редакцию: 11.12.2025
Принята к публикации: 30.03.2026